

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ УПРАВЛЕНИЯ

Научная статья

DOI: 10.55959/MSU2073-2643-21-2023-4-14-39

ГЛАВА ГОСУДАРСТВА: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ (окончание¹)

И.В. Лексин

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация
leksin@spa.msu.ru

Аннотация. Во второй части статьи проанализированы возникновение и распространение термина «глава государства», проблемы использования русскоязычного словосочетания «глава государства» и родственных ему выражений, хронологическая и пространственная распространенность глав государств в различных значениях. С учетом понятийной множественности, установленной в первой части статьи, рассмотрены проблемы классифицирования глав государств.

Продемонстрирована ограниченность языковых аналогий, предложено обновленное изложение свойств, характеризующих главу государства в его официальном (представительском) значении, показан дискретный и локальный характер явлений, обозначаемых словосочетанием «глава государства», установлен высокий риск подмены полноценной классифицирования глав государств (как однородных явлений) объединением в рамках одной классификации явлений, соответствующих главам государств в разных значениях.

Ключевые слова: государство, глава государства, высшее должностное лицо, гарант, президент, монарх, правитель.

Для цитирования: Лексин И.В. Глава государства: концептуальные проблемы и возможности их преодоления // Вестник Московского

¹ Начало см. в № 3.
© Лексин И.В., 2023

Дата поступления в редакцию: 27.07.2023.

HEAD OF STATE: CONCEPTUAL CHALLENGES AND PROBLEM-SOLVING OPPORTUNITIES

Leksin I.V.

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
leksin@spa.msu.ru

Abstract. In the second part of the article the author analyzes the emergence and expanse of the term “head of state”, the difficulties involved by usage of the Russian collocation “head of state” and related word combinations, the chronological and spatial spread of the heads of states in various meanings. Besides, considering the conceptual plurality revealed in the first part of the article, the problems of classifying heads of states are discussed.

Based on the study of the listed issues, the article demonstrates the limitations of interlingual analogies, proposes an updated presentation of the features that characterize the head of state in its official (representative) meaning, shows discreteness and locality of the phenomena denoted by the term “head of state”, identifies high risk of substituting a perfect classification of heads of state (as homogeneous phenomena) with a pseudo classification that combines phenomena corresponding to the heads of state in different meanings.

Key words: state, head of state, chief official, guarantor, president, monarch, ruler.

For citation: *Leksin I.V.* Head of state: conceptual challenges and problem-solving opportunities // Lomonosov Public Administration Journal. Series 21. 2023. Vol. 20. № 4. P. 14–39. DOI: 10.55959/MSU2073-2643-21-2023-4-14-39

Received: 27.07.2023.

Происхождение термина и современные терминологические затруднения

Устоявшиеся в отечественной науке суждения о возрасте и распространённости того или иного социально-политического явления, равно как и о его концептуальной разработанности в те или иные эпохи основываются главным образом на русскоязычном

научно-теоретическом и нормативном материале. Это основание во многих случаях следует признать весьма шатким, поскольку даже в близкородственных языках могут отсутствовать полные аналоги для обозначения важных понятий. Юридические языки континентальной Европы находятся в сравнительной близости к русскому (поскольку в течение полутора предреволюционных столетий отечественная юриспруденция находилась под интенсивным влиянием идей и конструкций, выработанных франкоязычной и германоязычной юриспруденцией). Однако даже в них далеко не всегда можно найти приемлемые эквиваленты распространенных в отечественной литературе обозначений².

Термин «глава государства» в этом отношении не является исключением. Иноязычные обороты, которые принято переводить при помощи данного словосочетания, во-первых, не отличались однородностью, а во-вторых, неоднократно переходили из одних «идейных» рук в другие, вследствие чего в разные эпохи и в разных странах использовались в различных, в том числе взаимоисключающих, значениях.

Как было отмечено в первой части статьи, отдаленным предшественником рассматриваемого термина можно считать организационную характеристику правителя как «головы республики»³, встречавшуюся в средневековых латинских текстах. Во французском языке первоначально использовались обороты, производные от названного. Боден, например, упоминал о «суверенном главе»⁴ по отношению к «республике» (традиционно подразумеваемая под ней государственность в любой форме). Словосочетание “le chef de la république” использовалось французскими мыслителями и столетия

² Например, сложно подтвердить практическими аргументами, что «монарх, как правило, именовался государем» (Краснов М.А. Глава государства: рецепция идеи «отцовства» // *Общественные науки*. 2008. № 5. С. 69): слово «государь» («господарь» и т.п.) получило распространение лишь в славянских языках и не имело прямых аналогов в языках центральной и западной Европы. Так, перевод слова *principe* (см.: *Machiavelli N. Il Principe / Edizione di riferimento: a cura di Luigi Firpo. Torino, 1961. P. 3–102*) как «государь» (или «князь») основывается лишь на семантике, но не на этимологии. Итал., исп. *principe*, равно как и англ., фр. *prince*, нем. *Prinz* восходят к лат. *princeps* — берущий первым (от *primus* — первый, передний + *capere* — брать, получать), что имеет мало общего с происхождением слова «государь» (см., в частности: *Успенский Б.А. Государь: история и этимология слова // Вопросы языкознания*. 2023. № 1. С. 7–18).

³ См.: *Лексин И.В. Глава государства: концептуальные проблемы и возможности их преодоления // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество)*. 2023. № 3. С. 5.

⁴ Фр. *un chef souverain* (*Bodin Angeuin I. Les Six Livres de la République. Paris, 1576. P. 10, 50, 692*).

спустя⁵, хотя постепенно, конечно, приобрело привязку к республиканской форме правления. Аналогичным термином оперировала и британская политическая философия⁶.

Насколько корректно вести происхождение термина «глава государства» от названных словосочетаний? С одной стороны, в конструктивном отношении они явно родственны. С другой стороны, они относятся к эпохе, которую в концептуальном отношении можно именовать «предгосударственной». Упомянутые словосочетания озаменовали предчувствие становления абсолютистского строя и (или) были связаны с разработкой представлений о суверенитете, — причем на тот момент правителя, а совсем не государства⁷. Под словосочетанием “*res publica*”, воспринятом отечественными учеными как обозначение государства, понималось не некая сущность (институциональное образование или субъект права), а, скорее (по римской традиции), сфера деятельности, обустройство общественных (публичных) дел⁸. Глава государства в таком смысле (а точнее, глава общего дела) мог означать лишь «главного организатора». Но и в этом расплывчатом смысле о главе государства стали говорить сравнительно недавно по историческим меркам. Да и само слово «государство» вплоть до Нового времени почти не использовалось, поскольку в средневековой картине мира соответствующее ему понятие отсутствовало. Среди сословий, гильдий, торговых союзов, муниципальных корпораций и феодальных правителей разных рангов государству закономерно не находилось места: понятие о государстве могло «вызреть» лишь при условии признания (доктринального, общественного) состоятельности соответствующего явления. В целом неудивительно, что в условиях множественности обособленных сословных институтов, в которых по сути замыкалась жизнь разных слоев населения, и фактического отсутствия государственного регулирования (в современном

⁵ Oeuvres complètes de Montesquieu. Tome premier. Ier partie. Paris, 1817. P. 12.

⁶ Англ. *head of the republic* (см., в частности: *Locke J. Two Treatises of Government. L., 1789. P. 379*).

⁷ Понятие о суверенитете самого государства сформировалось значительно позднее (см., в частности: *Лексин И.В. Государственный суверенитет: иллюзия концептуального разнообразия и многообразие концептуальных иллюзий // Федерализм. 2017. № 1 (85). С. 80–81; Лексин И.В. Суверенитет и государство: концептуальные взаимосвязи и расхождения // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 3 (105). С. 20*).

⁸ Так, в рассуждениях Ж. Бодена — при всей этатистской направленности его учения — государство предстало как некая сфера деятельности или объект управления, но не как властвующий субъект (см.: *Bodin Angeuin I. Les Six Livres de la République. Paris, 1576. P. 33 et seq.*).

понимании централизованного целенаправленного производства общеобязательных правил) не было особой потребности и в самом понятии государства. Лишь аккумуляция государственным аппаратом функций разнородных феодальных институтов вызвало ощущение существования некоей силы, способной непосредственно воздействовать на жизнь каждого, что послужило предпосылкой формирования понятия о государстве в современном смысле.

Поэтому можно признать вполне закономерным, что термин «глава государства» используется сравнительно недавно. Впервые он был официально применен к королю послереволюционной Франции: в ст. 14 Конституционной хартии от 4 июня 1814 г. он был объявлен «верховным главой государства»⁹. Этот титул имел двоякий подтекст. С одной стороны, он подчеркивал высшее положение реставрированной монархической династии в системе государственной власти. С другой стороны, на контрасте с абсолютной властью Императора (по Конституции от 28 флореаля XII г.) термин «глава государства» косвенно указывал на встроенность короля в государство и его подчиненность конституционному правопорядку.

Таким образом, как ни парадоксально, появление обозначения «глава государства» связано не непосредственно с возвышением правителя (таковое требовалось, но на предшествовавшей исторической стадии), а напротив, с введением его власти в определенные рамки. Несмотря на пафосность этого термина и на колоссальные политические и правовые возможности многих правителей, носивших и носящих данный титул, само его возникновение отразило концептуальное оттеснение правителя в тень совокупного политико-правового организма — государства и превращение правителя (по крайней мере, формальное) в выразителя воли и интересов этого организма¹⁰.

Вслед за Францией термин, аналогичный *chef d'Etat*, распространился и по конституционным актам германских государств (нем. “*Oberhaupt des Staates*”)¹¹. В законодательстве англоязычных

⁹ Фр. *chef suprême d'Etat*.

¹⁰ Правда, представительская роль монарха в Хартии 1814 г. не получила прямого выражения, хотя документальные предпосылки этому имелись: еще в первой — монархической — французской Конституции от 3 сентября 1791 г. говорилось, что король (наравне с законодательным корпусом) является представителем нации (см.: Тексты важнейших основных законов иностранных государств. Ч. 1 / Пер. Ф.Ф. Кокошкина. М., 1905. С. 34).

¹¹ См. об этом, в частности: *Еллинек Г.* Право современного государства. Издание 2-е, испр. и доп. по 2-му немецкому изданию С.И. Гессеном. Том I. Общее учение о государстве. СПб., 1908. С. 343–344.

стран аналогичных процессов не наблюдалось, поскольку в английском языке слово, эквивалентное «государству», по сути отсутствует по сей день¹². Тем не менее, благодаря международному общению словосочетание «глава государства» приобрело универсальный характер и сегодня используется в силу технической необходимости (параллельного использования нескольких языков в ООН и других международных организациях, составления разноязычных аутентичных текстов международных договоров) в нормативной лексике каждого государства независимо от его политико-правовых традиций.

В русском языке употребление словосочетания «глава государства» и родственных синтаксических единиц также не обходится без ряда сложностей. Во-первых, как было показано в первой части статьи, данным словосочетанием обозначается несколько разных понятий, связанных между собой лишь ассоциациями с главенством (которое может принимать самые разные образы). Причем многие из этих понятий относятся к явлениям, появившимся задолго до доктринальной разработки представлений как о самом государстве, так и о его главе и «прижизненно» никогда так не называвшимся. Таковыми являются, в частности, понятия патриархальной главы (воспринимавшегося как «опекун» и верховный арбитр) и патримониального монарха («хозяина» в своих владениях). Некоторые из представлений о правителе, сформировавшиеся до появления термина «глава государства», согласуются с сегодняшней практикой (так, современные органы, носящие данный титул, могут выполнять функцию не только представителя государства, но и верховного организатора или представлять в качестве головной части «политического организма»), что закономерно вызывает соблазн по аналогии называть главами государств монархов древнего и средневекового периодов. Такое распространение нового термина на исторические явления само по себе не заслуживает порицания. Однако оно требует учитывать сопряженную с такой экстраполяцией многозначность термина и, соответственно, разнородность явлений, в отношении которых он может использоваться. Так, к патримониальным монархиям не применима современная конструк-

¹² Слово *state* более ассоциируется с субъектом федерации (штатом), государство же как член международного сообщества обычно называется словом *nation*. Соответственно, в английском языке словосочетание «глава государства» смотрится не вполне органично, хотя и давно используется (но преимущественно в переводных материалах и в отношении практики государств неанглоязычного мира). В описании же политико-правового обихода самих англоязычных стран данным термином не было принято оперировать.

ция государства, у которого имеются представитель и иные органы. В силу персонификации власти правитель в такой социально-политической системе не может квалифицироваться как инструмент, выполняющий некую служебную функцию по отношению к государству. Напротив, он первичен и безусловен как носитель власти и ее источник, а само понятие государства в таком случае избыточно. Однако это радикальное отличие патримониальных монархов от современных глав государств из-за терминологического монизма нередко остается незамеченным.

Во-вторых, использование термина «глава государства» для описания юридической реальности (в случаях, когда государство понимается как субъект права или как правопорядок) почти неизбежно требует понимания слова «глава» в переносном смысле. Главенство в прямом понимании возможно только по отношению к государству в смысле управленческого аппарата (но такое главенство достижимо лишь при абсолютной монархии или при диктатуре) или в социологическом смысле (главенство по отношению к государству, мыслимому как союз людей или как организованное общество).

В-третьих, даже будучи взятым в каком-либо отдельном значении, словосочетание «глава государства» не является вполне ясным. Каждое из пониманий главы государства расплывчато и может выражаться в многообразных трактовках. Не является исключением и самое разработанное юридической теорией и практикой значение (глава государства как представитель последнего). Крут явлений, которые могут подпадать под данное обозначение, может варьироваться в весьма широком диапазоне, поскольку в современной реальности по разным вопросам от имени государства выступают (совершают действия и принимают решения, вменяемые государству как субъекту права) разные органы. Как следствие, нормативное выделение из этих органов единственного «главы» препятствует определению последнего как представителя государства вообще. В связи с этим в определение главы государства может добавляться указание на «верховный» (или «высший») характер внутригосударственного и внешнего представительства¹³, призванное сузить денотат. Однако формальная определенность такого уточнения сомнительна, особенно применительно к представительству внутри

¹³ См., например: Конституционное право зарубежных стран: Учебник для вузов / Под общ. ред. чл.-корр. РАН, проф. М.В. Баглая, д.ю.н., проф. Ю.И. Лейбо и д.ю.н., проф. Л.М. Энтина. М.: Норма, 2004. С. 210; Конституционное (государственное право) зарубежных стран. Общая часть: учебник / рук. авт. колл. и отв. ред. Б.А. Страшун. 4-е изд., обновл. и дораб. М.: Норма: Инфра-М, 2010. С. 688.

страны (ведь принятие «высших» решений от имени государства осуществляется в ходе и законотворчества, и судопроизводства). Этим можно объяснить подход некоторых специалистов, указывающих на верховный характер представительства не вообще, а только «во внешних сношениях»¹⁴. В этой сфере словосочетание «верховное представительство» выглядит несколько яснее, хотя в целом сопряжено с аналогичными затруднениями, поскольку выражение согласия на обязательность для государства международных договоров по наиболее значимым вопросам в настоящее время обычно осуществляется с участием законодательного органа (так, в Российской Федерации — посредством принятия федерального закона). В связи с этим можно утверждать, что на органы, официально именуемые сегодня «главами» соответствующих государств, обыкновенно возлагается функция представительства не «верховного» или «высшего», а, скорее, оперативного.

Наконец, неоднозначным является ответ на вопрос о заменимости в рамках рассматриваемого словосочетания слова «государство» на имя собственное. Так, в бытовом обиходе можно говорить о «главе Российской Федерации», но в язык официальных документов такое выражение не вписывается. Применительно к территориальным единицам в составе Российской Федерации можно констатировать почти противоположный подход: согласно ч. 4 ст. 20 Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» наименованием должности высшего должностного лица субъекта РФ является «Глава» с дальнейшим указанием наименования субъекта РФ (на практике же данное слово массово используется в наименованиях высших должностных республик уже около десяти лет¹⁵), а ст. 36 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» посвящена «главе муниципального образования», что служило и продолжает служить основанием для использования слова «глава» в качестве части наименований соответствующих должностей. Однако Президент РФ, будучи «главой государства», никогда не именовался «главой Российской Федера-

¹⁴ Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия. М., 1997. С. 84.

¹⁵ В связи с требованием Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 406-ФЗ «О внесении изменения в статью 18 Федерального закона “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации”» прекратить использование слова «Президент» в таких наименованиях до 1 января 2015 г.

ции», хотя согласно ст. 1 Конституции РФ Российская Федерация «есть... государство». Сходная ситуация наблюдается и в других странах, в законодательстве которых используется термин «глава государства».

Сказанное позволяет констатировать, что по состоянию на нынешний день словосочетание «глава государства» проявляет черты фразеологизма (семантически неделимого оборота, значение которого отличается от ожидающегося при обычном соединении составляющих его слов). Это характерно и для юридической доктрины, и — в еще большей степени — для официального языка.

Кроме того, необходимо иметь в виду, что практика официального употребления словосочетания «глава государства» не вполне совпадает с его доктринальными определениями в «представительском» смысле. Такие определения с конструктивной точки зрения обоснованно указывают в качестве родового понятия орган, выполняющий представительские функции¹⁶, но не преуспевают в указании видового признака такого представительства. Это следует признать вполне закономерным, поскольку органов, могущих претендовать на звание представителя государства, как правило, немало, а формализовать «главенство главы» среди них проблематично. В качестве формального признака, возвышающего орган, носящий титул «главы государства», по сравнению с другими органами, можно обозначить разве что нормативно установленное полномочие выступать от имени государства по всему спектру предметов его ведения¹⁷. Однако «выступать от имени» далеко не всегда означает способность принимать окончательные решения. Главенство главы государства среди других органов имеет не столько юридический, сколько политический характер: как было упомянуто, главой государства на практике именуют «оперативного» представителя, а не орган, который уполномочен принимать от имени государства

¹⁶ См., например: *Автономов А.С.* Правовая онтология политики: к построению системы категорий. М.: ИНФОГРАФ, 1999. С. 313; *Маклаков В.В.* Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Общая часть. 2-е изд., исправл. и доп. М.: Инфотропик Медиа, 2012. С. 710.

¹⁷ Необычный (для современной литературы) подход к выделению признака, придающего главе государства «качество высшего органа государственной власти», использовал О.Е. Кутафин. Таким признаком он назвал «отсутствие какой-либо ответственности за акты, совершенные им при исполнении своих функций» (*Кутафин О.Е.* Глава государства: монография. М.: Проспект, 2015. С. 4). Данный признак сложно признать безусловно возвышающим главу государства, поскольку неприкосновенностью обыкновенно наделяются и другие лица (парламентарии, судьи), а также, в некотором смысле, коллегиальные органы в целом (так, не подлежат роспуску Совет Федерации Федерального Собрания, Конституционный Суд РФ, Верховный Суд РФ и др.).

решения, обладающие высшей юридической силой. Также от главы государства в сложившемся официальном словоупотреблении принято отделять органы, представляющие государство, но принимающие решения исключительно в виде реакции на обращение к ним со стороны (в таком режиме функционируют, за редким исключением, судебные органы).

Эти акценты (возможность выступать от имени государства без специального поручения, непосредственно на основании конституционных или иных правовых норм, а также оперативный и инициативный характер представительства) сложно встроить в определение главы государства в качестве видовых признаков, но в совокупности они позволяют вывести за рамки описания органов, наделяемых титулом «глава государства» лишние компоненты государственного аппарата.

Универсальность или дискретность и локальность явлений

От признания цельности понятия главы государства или множественности одноименных понятий¹⁸ закономерно зависит отношение к временному и пространственному выражению соответствующих явлений. Цельность понятия требует восприятия охватываемых им практических явлений как связанных не только содержательно (что вряд ли достижимо, как было показано в первой части статьи), но и эволюционно. Последнее также является достаточно затруднительным — в силу следующих обстоятельств:

во-первых, такой подход требует видеть историческую преемственность между главами государства в разных значениях и мириться с параллельным наличием у одного и того же государства двух или нескольких¹⁹ глав в разных значениях;

во-вторых, разнородность явлений, называемых главами государств, препятствует определению периода существования одноименного института. При множественности признаков, приписываемых с разных точек зрения главам государств, неудиви-

¹⁸ См.: *Лексин И.В.* Глава государства: концептуальные проблемы и возможности их преодоления // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2023. № 3. С. 46–47.

¹⁹ Например, по отношению к Австралийскому союзу, Канаде, Новой Зеландии функции главы государства принадлежат монарху, генерал-губернатору и премьер-министру, по отношению к ФРГ их осуществляют федеральный президент (глава государства в значении его представителя), федеральный канцлер (глава государства в значении главной политической фигуры и высшего должностного лица исполнительной власти), министр обороны (как верховный главнокомандующий).

тельно, что по поводу возраста института главы государства можно встретить различные мнения. Скорее, неожиданной является относительная малочисленность вариантов его хронологической привязки, выработанных исследователями.

Соображения о моменте зарождения данного явления представлены двумя основными группами мнений. Согласно первой из них, институт главы государства восходит к античности²⁰ или к еще более глубокой древности²¹. Параллельно сохраняет авторитет представление главы государства как явления существенно более молодого, обязанного «своим появлением на свет абсолютной монархии» и представляющего собой «продукт революционной трансформацией буржуазией абсолютного монарха»²².

Отношение к конечности института главы государства также не унифицировано. Большинство авторов не уделяет внимания данному вопросу, полагая, по всей видимости, бесспорным его бытие в настоящее время и не сомневаясь в его сохранности в обозримой перспективе. Однако и прежде, и сегодня можно встретить отношение к главе государства как к конечному и, более того, уже отжившему институту. Так, в советской юриспруденции долгое время отрицалось наличие главы социалистического государства как отдельного органа (преобладало представление о нем как об «институте чисто буржуазном»²³). Впрочем, в последней трети XX в. советская наука в целом склонилась к признанию главы государства как «внеформационного» явления²⁴, хотя и с противопоставлением единоличным главам буржуазных государств коллективных (как правило) органов, выполнявших функции глав социалистических государств²⁵.

²⁰ См., например: Глава государства: монография / отв. ред. А.М. Осавелюк. М.: Проспект, 2021. С. 8.

²¹ Так, Н.М. Ширилкина синхронизирует возникновение главы государства (причем не просто явления, а соответствующего титула) с «появлением государственности» (*Ширилкина Н.М. Титул главы государства в политико-правовом развитии России (IX — начало XX в.) // Российский юридический журнал. 2012. № 5. С. 228*).

²² *Мишин А.А. Центральные органы власти буржуазных государств. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. С. 9–10. В русле такого видения находится современное датирование появления института главы государства XVII–XVIII вв. (см.: *Краснов М.А. Глава государства: рецепция идеи «отцовства» // Общественные науки. 2008. № 5. С. 72*).*

²³ *Мишин А.А. Там же. С. 9.*

²⁴ См., например: Большая Советская Энциклопедия / гл. ред. А.М. Прохоров. Изд. 3-е. Т. 6. М.: Советская Энциклопедия, 1971. С. 572.

²⁵ См., например: Юридический энциклопедический словарь / гл. ред. А.Я. Сухарев. М.: Советская энциклопедия, 1984. С. 62.

В постсоветской литературе соображения о главе государства как о преходящем институте высказываются сравнительно редко. Эти соображения могут быть обусловлены разными обстоятельствами, что, однако, не мешает им проявлять родственные черты. Так, высказано мнение, что поскольку «народ не просто признается носителем суверенитета и единственным источником власти, а наделяется качеством субъекта самой верховной власти», то «говорить о главе правового государства... явно некорректно. “Глава государства” — понятие из довольно далекого прошлого»²⁶. Как можно заметить, в данной трактовке, несмотря на привязку к идее правового государства, сам глава государства рассматривается не с правовых позиций²⁷, а, скорее, с политологических, как правитель, способный управлять государством по своему единоличному усмотрению. Такое понимание главы государства закономерно приводит к осуждающим умозаключениям, однако последние, с одной стороны, вполне согласуются с современным взглядом академического сообщества (юридическая наука вполне единодушна в неодобрительном отношении к произволу со стороны правителя), а с другой стороны, перекликается с безапелляционной характеристикой главы государства как буржуазного (недемократического) явления, преобладавшей в советской юриспруденции до 1960–1970-х гг. Как бы то ни было, изложенное побуждает считать неактуальным не институт главы государства, а скорее ассоциирование его с авторитарным главенством. Такое ассоциирование предсказуемо сохраняется на бытовом уровне и может ощутимо проявляться в политической реальности, но с правовой точки зрения, как показано в первой части статьи, слово «глава» может пониматься только метафорически. Менее резкой выглядит позиция М.А. Краснова, который противопоставляет главе государства «институт главного хранителя конституционного строя», полагая при этом желательным отказаться от понятия главы государства²⁸ как угрожающего «устойчивости государства»²⁹.

²⁶ Раянов Ф.М. Есть ли глава у правового государства? // Правовое государство: теория и практика. 2013. № 1(31). С. 4–5. Аналогичным образом рассуждает и И.Г. Скороход (см.: *Скороход И.Г.* Глава государства — функция Президента Республики Беларусь // *Lex Russica*. 2021. Т. 74. № 7 (176). С. 153).

²⁷ См.: *Лексин И.В.* Глава государства: концептуальные проблемы и возможности их преодоления // *Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество)*. 2023. № 3. С. 52–55.

²⁸ См.: *Краснов М.А.* Статус главы государства как элемент авторитарного потенциала президента // *Государство и право*. 2015. № 2. С. 14–17.

²⁹ Его же. Глава государства: рецепция идеи «отцовства» // *Общественные науки*. 2008. № 5. С. 75.

Хотя идея трансформации главы в хранителя в сравнении с рассмотренным ранее мнением об архаичности главы государства, безусловно, отличается конструктивностью, оба подхода, как было сказано, имеют довольно много общего. Во-первых, они отражают понимание главенства в «силовом» смысле (соответственно, упускается возможность использования имеющегося словосочетания «глава государства» для обозначения явлений, не совпадающих с правителем, доминирующим в государственной жизни). Во-вторых, в них демонстрируется отрицательное отношение к концентрации властных возможностей в руках правителя, ассоциируемой с таким буквальным значением. В-третьих, порицанию подвергается понятие, хотя проблема коренится в практике или в терминологии.

Перечисленные черты почти неизбежно сопровождают монистический подход к пониманию главы государства. Единственность понятия благоприятствует его неосознанному смешению с термином или явлением, а это, в свою очередь, мешает установлению характера проблемы (понятийного, практического или терминологического) и выбору объекта критики. Признание множественности понятий главы государства, конечно, в данном случае не есть панацея, но позволяет лучше структурировать осмысление данной проблематики и точнее квалифицировать обсуждаемые обстоятельства.

Множественность понятий подразумевает, что существование соответствующих им явлений может не иметь синхронного характера и различаться по местности распространения. Поскольку хронологические и пространственные пределы бытия каждого явления, соответствующего отдельному понятию о главе государства, уникальны, они должны рассматриваться отдельно.

Наиболее древняя из известных моделей главенства в организованном обществе, как было отмечено в первой части статьи, основывалась на обожествлении правителя или на выполнении им жреческих функций. Однако уже в античный период эта модель была потеснена светскими формами правления. Позднее она продолжала встречаться локально (примерами могут служить Папское государство и политические образования в доколониальной Центральной и Южной Америке), а в Средние века получила второе рождение в связи с формированием исламских государств. Сегодня главы государств в теократическом смысле, конечно, совсем не типичны, однако следует признать их локальное сохранение и в современном мире. Характерными примерами таких глав служат римский понтифик и лидер Ирана (рахбар). При этом если первый выполняет также функции главы государства в наиболее

распространенном сегодня понимании (функции представителя государства), то второй характеризуется в Конституции Исламской Республики Иран как высший руководитель страны, верховный главнокомандующий и глава судебной власти, но представительские полномочия возложены на иерархически нижестоящее должностное лицо — президента.

Представления о главенстве, дошедшие из античных источников, позволяют судить о древности и другой группы практических явлений, — соответствующих характеристике правителя как «отца отечества», «опекуна», «наставника», руководителя общими делами. К современности такие эпитеты в принципе применимы, но большей конкретностью и практической содержательностью обладают роли, производные от названных. Как было отмечено в первой части статьи, это роли высшего судьи и главного администратора.

С современной практикой они соотносятся неоднозначно. Сегодня функции высшей судебной инстанции обычно организационно отделяются от носителя представительских полномочий (хотя, конечно, соединение этих ролей встречается³⁰) и не ассоциируются с главенством. Если экстраполировать данное понимание главенства на существующие государства, то в большинстве случаев их главами придется признавать коллегиальные структуры (верховные суды и аналогичные органы), причем в части стран главенство окажется распределенным между несколькими специализированными судами. Однако судебскую роль правителя можно считать и ранним проявлением более широкого явления — главы государства в смысле верховного хранителя национального правопорядка (сегодня это явление часто описывается словами «гарант конституции»). Глава государства в таком значении, как будет показано ниже, тоже не всегда совпадает с носителем представительских полномочий.

Главенство в административной (исполнительной) сфере, напротив, нередко совмещается с функцией представителя государства. Однако административное руководство может вверяться (исключительно или совместно с органом, выполняющим функцию представителя государства) и другим лицам или коллегиальным органам (премьер-министру или аналогичному лицу либо правительству в целом). В некоторых случаях определить принадлежность функций главы государства в административном смысле сложнее. Так, в советском государстве до конца 1930-х гг. они были

³⁰ В качестве полноценных примеров можно назвать короля Саудовской Аравии и римского понтифика.

рассредоточены (как на союзном, так и на республиканском уровнях) между несколькими коллегиальными структурами: съездом советов, центральным исполнительным комитетом, его президиумом и советом народных комиссаров.

Жизненные явления, соответствующие современным правовым трактовкам главы государства как представителя политически-организованного сообщества, также далеко не молоды. Исторически первая практическая модель главенства такого рода на два тысячелетия опередила свое концептуальное оформление. В достаточно сформированном виде глава-представитель обнаруживался еще в системе полисной демократии. Так, в Древнеафинском государстве функцию представительства (пританию) по отношению к полису коллективно осуществляли поочередно булевты (члены совета) от одной из фил (общин).

Однако на первый план представительская роль правителя вышла лишь в последние столетия с конституционализацией монархического строя и появлением президентов — глав республик. Прежние царства, княжества, герцогства, королевства, империи и пр. представляли собой объекты владения и управления, а в качестве субъектов в политико-правовой реальности выступали именно монархи. Соответственно, ни правители древних царств, ни феодальные или патримониальные монархи в силу отсутствия предмета представительства не могут считаться главами государств в рассматриваемом смысле. Представительские функции, конечно, не были чужды и этим отдаленным эпохам, но они выполнялись не монархом, а только по отношению к нему (и обыкновенно не самими значительными фигурами либо депутациями, направленными правителем). Поэтому определение главы государства как его представителя (и, соответственно, его органа) вынуждает считать главу государства явлением, типичным лишь для конца Нового и Новейшего времени (а именно, для монархий периода позднего абсолютизма, для конституционных и парламентарных монархий и для республик) и эпизодически встречавшимся в античный и средневековый периоды.

Как в зарубежной, так и в отечественной юриспруденции представлен и еще более узкий взгляд на распространенность глав государства в юридическом смысле. Так, М. Ориу указывал на Швейцарию как на государство без главы³¹. Сходным образом высказывается А.С. Автономов: «...Нельзя сказать, что глава государства всегда и везде является необходимым элементом

³¹ См.: *Hauriou M. Principes de droit public. 2ème éd. Paris, 1916. P. 674.*

государственного аппарата»³² (поскольку в противоположность монархиям данный «институт... можно обнаружить не во всех республиках»), — и приводит ряд примеров «безглавых» государств, начиная от Древних Афин и заканчивая советскими республиками в ранний период их существования. Такой взгляд справедливо ориентирует на отказ от шаблонного осмысления государственно-правовых явлений, однако логика рассуждения в данном случае представляется небезупречной. Действительно, глава как представитель государства — это явление прерывистое и встречающееся совсем не повсеместно. Тем не менее, определив главу государства как «институт, представляющий государство»³³, практически невозможно доказать существование республик без такого института. Ведь именно республика положила начало институционализации самого государства как субъекта права, и появление именно республиканской формы правления вызвало потребность в наделении некоего органа представительскими функциями по отношению к такому субъекту³⁴.

Об отсутствии главы государства в смысле его представителя, напротив, более оправданно рассуждать как раз применительно к монархической форме правления, поскольку монархия в своей первоначальной форме основывается на личном правлении, не составляя институционализированного образования (государства как субъекта в правовом и политическом смыслах, который нуждался бы в представителе). В отличие от монархического правителя, который выступал, во-первых, по собственному праву от собственного имени, а во-вторых, как хозяин государства, а не его орган, республике, которая по своим объективным характеристикам неспособна непосредственно совершать какие-либо действия, глава государства как представитель был жизненно необходим, поэтому именно в республике должен был зародиться и, как было отмечено, зародился институт главы государства как представителя последнего.

³² Автономов А.С. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Учеб. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. С. 280.

³³ Там же. С. 279.

³⁴ В данном случае важно различать орган политического представительства (представительства интересов сословий, партий, населения вообще) и орган формального представительства государства как субъекта права. Если парламент обыкновенно выполняет функции представительства первого рода по отношению к «социуму» (и весьма редко — второго — по отношению к государству), то ключевое назначение главы государства, напротив, — представительство второго рода (по отношению к государству), хотя факультативно он может рассматриваться и как представитель тех или иных социальных интересов.

Совмещение же этого института с монархической формой правления стало возможным только благодаря искажению ее первоначальной сути (или, по крайней мере, существенной трансформации ее конструкции), а именно, за счет внедрения в нее элементов парламентаризма и иных республиканских черт. Но это не требует считать мнение советской юриспруденции, что создание института главы государства «было данью филистерскому преклонению перед короной»³⁵, принципиально неверным³⁶: хотя упомянутая трансформация с концептуальной точки зрения может быть оценена как кардинальная, на практике она могла видаться лишь как внешняя подмена конкретной персоны неограниченного правителя абстрактной личностью государства, за которой скрывался все такой же правитель. Данная подмена произошла в несколько приемов и была сопряжена с неоднократным переосмыслением источника власти в период «буржуазных» революций и реставраций монархий. Схематично эти изменения можно описать следующим образом. Монарх, властвовавший безраздельно по собственному праву, вынужденно уступил место столь же абсолютному, но коллективному властителю — народу. Однако революционная идея народа-суверена вследствие ее практической неприспособляемости к политическому и социально-экономическому контексту Нового времени была вытеснена гораздо более абстрактными, но при этом и более прагматичными концепциями государства субъекта права (юридической личности) и государства-суверена³⁷. Это позволило концептуально оправдать фактическое возвращение властных функций единоличному правителю, который теперь осуществлял не собственную власть, а власть государственную, т.е. формально

³⁵ Мишин А.А. Центральные органы власти буржуазных государств. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. С. 10.

³⁶ Нужно лишь иметь в виду, что данное высказывание относилось исключительно к конструированию данного института в его современном формате, начиная с момента использования термина «глава государства» в начале XIX в., и не затрагивало раннюю историю существования явлений, которые подпадали под это обозначение.

³⁷ Так, согласно авторитетному мнению, категория «национальный суверенитет» своим появлением обязана стремлению уклониться от идеи народного суверенитета, а именно воспрепятствовать установлению всеобщего избирательного права: в противоположность народному суверенитету, предполагающему нахождение источника власти в совокупности всех индивидов (а следовательно, всеобщность политических прав), национальный суверенитет подразумевает в качестве такого источника абстрактное лицо — нацию-государство, в воле которого в числе прочего находится и решение вопроса о статусе индивидов (см.: *Демисьель А., Демисьель Ф., Пикемаль М.* Институты и власть во Франции (институциональные формы государственно-монополистического капитализма): перевод с французского / Под ред. и с послесловием М.А. Крутоголова. М.: Прогресс, 1977. С. 9–10).

действовал не по собственной прихоти, а во имя общего блага, «под прикрытием» интересов государства и конституционных положений. Как было отмечено выше, подобные представления и сегодня вызывают у части специалистов антипатию к самому институту главы государства.

Как бы то ни было, глава государства в смысле представителя последнего — явление, появлявшееся там (и в те периоды), где (и когда) требовалось юридически и политически представлять некое государственно-организованное сообщество. Хотя в ретроспективе данное явление встречалось лишь локально и в некоторые периоды (в немногочисленных республиках, а также в монархиях современного типа, конституированных в качестве субъектов права), сегодня оно востребовано повсеместно (характерно для всех современных государств).

Период существования и географическое распространение явлений, обозначаемых термином «глава государства» в упоминавшемся выше значении гаранта национального правопорядка (гаранта конституции), имеет гораздо менее ясные границы. На первый взгляд, эта функция довольно молода (если ассоциировать ее зарождение с началом ее доктринального обоснования в начале XX в., а бытие — с последовавшим периодом закрепления в конституционных текстах) и получила внятное выражение далеко не в каждом из современных государств. Так, в странах Вестминстерской системы весьма сложно определить принадлежность данной функции и, соответственно, применительно к ним проблематично выделить главу государства в таком значении). Однако в широком смысле роль хранителя и защитника сложившегося правового порядка можно считать одной из древнейших (проявления этой роли можно усматривать в традиции обращаться к правителю «за справедливостью» как к верховному судье, который может непредвзято разрешить дело на основании обычаев, тем самым защитив их действительность от произвола).

Современное соотношение главы государства в этом смысле с главой государства как представителем государства также не лишено дискуссионных моментов. Совпадение этих ролей (по крайней мере, частичное³⁸) характерно, в частности, для Франции, России и

³⁸ Частичность является следствием выполнения функций гаранта как президентом, так и конституционным судом или иным органом конституционной юстиции. (См., в частности: *Хансирокова Е.А.* Судебная власть — хранитель Конституции РФ // *Верность Конституции: Сборник материалов международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения Н.В. Витрука.* М.: РГУП, 2017. С. 119–124). Кроме того, в литературе представ-

большинства других стран — членов СНГ, для Бразилии, Мексики, ряда других латиноамериканских государств. В странах с парламентской формой правления эти две роли могут быть рассредоточены (верховным гарантом правопорядка должен считаться, скорее, орган конституционной юстиции). В некоторых же странах, как было сказано, функции гаранта вообще трудно приписать какому бы то ни было органу.

Главу государства как руководителя последнего в смысле государственного аппарата также нельзя назвать общераспространенным явлением. Однако, в отличие от главы государства в предыдущем значении, данное явление массово встречалось лишь в отдаленные исторические эпохи (в чистом виде глава государства в таком смысле — это монархический правитель, формирующий по собственному усмотрению органы, служащие в качестве «проводников» его велений). При этом бытие глав в таком понимании дискретно: так, их можно обнаружить в деспотических монархиях древнего мира, в средневековье и Новое время, однако, например, античная полисная демократия исключала такое главенство.

В современное политическое устройство такая схема вписывается лишь с существенными ограничениями и оговорками. Во-первых, с внедрением принципа разделения властей формально в государственных аппаратах не остается «главных» органов (как коллективных, так и индивидуальных). Поэтому сегодня такие главы малочисленны. Это, конечно, не исключает распространения в будущем форм правления, основанных на иных принципах, но на данный момент в большинстве стран декларируется приверженность той или иной схеме разделения властей. Во-вторых, сведение государства к государственному аппарату подразумевает противопоставление государства обществу или народу, что также слабо вписывается в современные политико-правовые представления.

Наконец, глава государства может быть представлен в социологическом смысле (как лидер социально-политической общности). Это явление, с одной стороны, универсально как в хронологическом, так и в пространственном отношениях. Однако, с другой стороны, оно весьма ситуативно, поскольку народное признание не приобретает автоматически. Так, применительно к советской и постсоветской России можно сомневаться в наличии такой политической фигуры на протяжении большей части второй половины

лено и мнение о принадлежности функций гаранта конституции и ее хранителя разным органам: первой — главе государства, второй — конституционному суду. (См.: Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI веке. 2-е изд., доп. М.: Норма, 2008. С. 25, 56, 98, 109, 176).

XX в. При этом в некоторые периоды возможно сосуществование нескольких фигур, в равной или сопоставимой мере пользующихся авторитетом у большинства населения. Также на роль главы государства в таком смысле может претендовать и формально обезличенная сила (например, политическая партия, как показывает история ряда стран). Соответственно, можно констатировать, что глава государства в данном значении совсем не обязательно совпадает с главой государства в юридическом смысле его представителя.

Итак, глава государства в любом из рассмотренных значений — это явление, которое не сопровождает государственность вообще на всем протяжении известной истории. Попытаться вместить все фактические проявления главенства в различных смыслах в некую общую эволюционную линию — дело неблагодарное и не самое продуктивное (так же, как незачем выстраивать преемственность, например, между политическими строем Древнего Рима, средневековых княжеств и национальных государств Нового времени или считать планомерно развивавшимися институты непосредственной или представительной демократии). Проявление главенства в каждом смысле — это не непреходящий атрибут политически-организованного общества, а результат стечения социальных, экономических, идейно-культурных и (или) личностных обстоятельств (например, как уже упоминалось, проблематично обеспечить в каждой стране бесперебойное воспроизводство главы в значении национального лидера), или следствие потребности в выполнении определенных функций (в частности, как было указано, представительство по отношению к государству приобрело массовость лишь в последние столетия), или продукт последующего концептуального осмысления исторического материала (например, в рамках классических феодальных отношений король вряд ли мог показаться современникам «главой государства»³⁹). Соответственно, каждое такое явление может быть как общераспространенным, так и локальным, а в рамках отдельно взятого государства — как непрерывно протяженным (это является справедливым для сравнительно молодых государств), так и прерывистым.

³⁹ Во-первых, как уже отмечалось, вплоть до позднего Средневековья не складывалось условий ни для восприятия самого государства как некой реальной силы, ни для, соответственно, выработки ясного понятия о государстве. Во-вторых, сословная фрагментация жителей исключала средоточие главенства в неком лице. Для вассала сюзерен был не главой, а стороной договорных отношений; по отношению к крестьянину функции защиты и принуждения выполнял землевладелец (которым лишь по совместительству мог оказываться непосредственно король или другой монарх); для ремесленников авторитетом обладали собственные сословные учреждения и т.д.

Классификации и псевдоклассификации глав государств

В отечественной юриспруденции используется немало способов группирования глав государств. Большинство из них сопряжены со сложившимися подходами к делению государств на республики и монархии и более дробные категории. Так, в юридической литературе (особенно учебной) устоялась традиция обстоятельно рассматривать варианты глав современных государств с точки зрения формы правления, места в системе разделения властей, способа наделения функциями.

В сравнении с этими классификациями несколько спорным является деление глав государства на единоличных и коллективных⁴⁰: в юриспруденции, хотя и не часто, но встречается отрицательное отношение к коллегиальности главы государства⁴¹. Однако доказуемость сугубо индивидуального характера главы государства сомнительна: роль главы государства ни в одном из рассмотренных значений не исключает ее коллективного исполнения. Дискуссионна и характеристика коллективного формата главы государства как отклонения от нормы или традиции⁴². В современном мире, безусловно, количественно доминируют индивидуальные главы. Но исторически, как было указано, именно коллективные органы впервые приобрели функционал глав государств в преобладающем сегодня (представительском) значении. Единоличный же характер глав немногочисленных республик Средневековья был обусловлен прежде всего практической значимостью дополнительных функций, которые им придавались: функции командования войсками и (или) функции разрешения споров между феодалами. Строго говоря, ни то, ни другое не составляет современной сути рассматриваемого института, а названные функции в принципе не требуют с абсолютной необходимостью сосредоточения в одних руках. Но, конечно, такое сосредоточение явным образом повышало конкурентоспособность государства и соответствовало господствующим представлениям об иерархическом строении общества.

В республиках же более массовых, появившихся в Новое и Новейшее время, единоличный (как правило) характер главы государства может быть объяснен, кроме того, в одних случаях инерционностью по отношению к предшествовавшей монархической форме

⁴⁰ См., в частности: *Чиркин В.Е.* Глава государства. Сравнительно-правовое исследование: монография. 2-е изд., испр. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2019. С. 100–149.

⁴¹ См., например: *Ναυρίου Μ.* Ibid.; *Краснов М.А.* Глава государства: рецепция идеи «отцовства» // *Общественные науки.* 2008. № 5. С. 68.

⁴² См., например: *Чиркин В.Е.* Указ соч. С. 6.

правления (наиболее характерным примером служит Франция), в других — наличием успешного зарубежного опыта, вызывавшего стремление к подражанию (по этому пути пошли бывшие латиноамериканские колонии Испании и Португалии, заимствовавшие многие элементы государственного механизма Соединенных Штатов). И лишь советская власть решительно возвратила институт главы государства к его коллективным истокам. В практической оправданности данной меры можно сомневаться, однако, как представляется, конструкция коллективной главы советского государства на данный момент еще не подвергнута полноценному научно-мыслительному осмыслению.

Как бы то ни было, привычно выделяемые группы глав государств (президенты и монархи; возглавляющие и не возглавляющие систему органов исполнительной власти; избираемые, наследственные и проч.; индивидуальные и коллективные) индуктивны по происхождению и с точки зрения осмысления первичны по отношению к критериям деления. Последние же, по сути, подобраны не для деления общей совокупности на виды, а для соединения заранее известных видовых явлений.

Попытки провести классификацию аналитическим путем наталкиваются на другие проблемы. Представленные в литературе основания деления такого рода рассчитаны на объединение под обозначением «глава государства» явлений, которые соответствуют не одному понятию, а разным понятиям о главе государства. Таковы предложения делить глав на слабых и сильных, на номинальных и фактических, на формальных и реальных⁴³ и на более дробные группы⁴⁴.

Руководствуясь сказанным ранее, следует заключить, что как таковой глава государства в любом из рассмотренных выше значений не может быть «сильным» («фактическим», «реальным») или

⁴³ См., например: *Суворов В.Н.* Институт главы государства: юридическая природа и положение в системе власти // *Право и жизнь.* 1998. № 13. С. 57; *Кутафин О.Е.* Глава государства: монография. М.: Проспект, 2015. С. 7.

⁴⁴ В частности, имеется трехчленное деление: «глава государства, имеющий сильные юридические и фактические полномочия, но фактически реализующий их при решении принципиальных, стратегических вопросов; глава государства, который имеет юридически относительно сильные полномочия, но фактически при реализации их в повседневной жизни в значительной степени усиливает; глава государства, имеющий сильные юридические и фактические полномочия и фактически реализующий их при решении как повседневных вопросов, так и принципиальных, стратегических вопросов» (*Осавельюк Е.А.* Конституционно-правовые основы статусных полномочий высших органов государственной власти: монография / отв. ред. Б.С. Эбзеев. М.: Проспект, 2021. С. 90–107).

«слабым» («номинальным», «формальным»). Точнее говорить, что тот или иной орган может ограничиваться выполнением функции главы государства в представительском смысле (либо в смысле гаранта правопорядка, либо в ином смысле, который с той или иной вкусовой точки зрения не воспринимается как проявление силы), либо совмещать ее с ролями, которые соответствуют другим понятиям о главенстве (с ролью главы исполнительной власти, верховного главнокомандующего и др.). Таким образом, при подобных попытках деления главы государств так или иначе подвергаются смешению с исполнителями их функций. В итоге фактически классифицированию подвергаются явления, смежные с главами государств, но не тождественные им — президенты и монархи — с разных ракурсов, не обязательно характеризующих их в качестве глав государств.

Устранение указанных затруднений представляется проблематичным. Конечно, в принципе классифицирование глав государств, соответствующих отдельно взятому понятию о них, осуществимо. Но, учитывая известную искусственность в очерчивании круга глав государств в принятом официальном («представительском») значении и упомянутые сложности в выработке определения, которое точно охарактеризовывало бы совокупность органов, официально носящих титул «глава государства», такое деление вряд ли сможет иметь значительную научную ценность. Варианты деления таких глав, претендующие на новизну, вряд ли смогут избежать упреков, аналогичных приведенным выше⁴⁵. Иные же понятия о главе государства на данный момент слишком абстрактны (соответственно, их границы еще более расплывчаты), и, как следствие, классифицирование соответствующих им явлений рискует выглядеть оторванным от жизни.

⁴⁵ Например, если исходить из относительно однородного понимания главы государства как органа, представляющего государство, можно предложить разделение таких представителей с точки зрения содержания, вкладываемого в представительство, на «оперативных» (как было рассмотрено выше) и «верховных». Главой государства второго рода можно было бы считать орган (или группу органов), который (или которые в совокупности и во взаимодействии) способен (или способны) принимать от имени государства решения высшей юридической силы. Так, применительно к Российской Федерации функции главы государства в таком смысле следовало бы приписать совместно Президенту РФ, Государственной Думе и Совету Федерации, а также парламентам субъектов РФ (как части механизма принятия поправок к Конституции РФ). Как можно заметить, такое деление в определенном смысле также является псевдоклассификацией, поскольку не структурирует явления, относящиеся к известному словосочетанию «глава государства», а соединяет их с группой других явлений.

На основании изложенного в данной части статьи можно подвести следующие итоги.

Во-первых, выработка используемой сегодня в юридической практике конструкции главы государства и появление соответствующего термина стали возможны в Новое время благодаря выполнению следующих условий:

- формированию представлений о государствах как о субъектах политической жизни и их практической институционализации как образований, которым приписываются свойства главных участников политической жизни и которые наделяются качеством «юридических личностей»;
- концептуальному и формально-юридическому превращению правителей из источников собственной власти в реализаторов власти государственной.

Только после такой инструментализации роли правителя стало возможным охарактеризовать его как главу (орган) по отношению к государству.

Во-вторых, семантические свойства и практика современного использования словосочетания «глава государства» позволяет отнести его к категории юридических фразеологизмов.

В-третьих, практика официального употребления словосочетания «глава государства» позволяет указать на следующие акценты, уточняющие (по отношению к доктринальной интерпретации) объем понятия главы государства как представителя последнего:

- основанность представительской функции непосредственно на конституционных нормах (а не на вторичных источниках или специальном поручении);
- оперативный (а не «верховный») характер представительства;
- инициативный характер представительства (орган, именуемый главой государства, может принимать решения, вменяемые государству, не только в ответ на обращения к нему, но и по собственной инициативе).

В-четвертых, признание множественности понятий главы государства позволяет по-новому посмотреть на хронологию и пространственную распространенность соответствующих явлений. Периоды бытия института главы государства в разных значениях (и, конечно, в разных странах) не синхронизированы. В зависимости от смысла, который придается словосочетанию «глава государства», одноименный институт может оказываться как древним, так и молодым, и как актуальным (перспективным), так и устаревшим (неактуальным или не ассоциируемым с главенством в современном восприятии).

В-пятых, в преобладающем сегодня «представительском» смысле институт главы государства обязан своим первоначальным появлением не абсолютной монархии, а республиканской форме правления. В этом значении исходной формой главы государства являлся коллективный орган (конечно, не называвшийся в древности «главой государства»). Однако в возрожденном (в Новое время) виде глава-представитель получил, как известно, индивидуальный формат, преобладающий и сегодня.

Наконец, с учетом изложенного приходится констатировать невысокую теоретическую и практическую продуктивность классифицирования глав государств. Традиционные подходы к их делению имеют скорее синтетический, чем аналитический характер и полезны прежде всего в пропедевтических целях. Попытки же провести эту операцию аналитическим путем приводят к формированию групп, которые соответствуют разным понятиям, а не представляют собой виды глав государств в одном значении.

Литература

Автономов А.С. Правовая онтология политики: к построению системы категорий. М.: ИНФОГРАФ, 1999. 384 с.

Глава государства: монография / отв. ред. А.М. Осавелюк. М.: Проспект, 2021. 400 с.

Демисьель А., Демисьель Ф., Пикемаль М. Институты и власть во Франции (институциональные формы государственно-монополистического капитализма): перевод с французского / Под ред. и с послесловием М.А. Крутоголова. М.: Прогресс, 1977. 228 с.

Еллинек Г. Право современного государства. Издание 2-е, испр. и доп. по 2-му немецкому изданию С.И. Гессеном. Том I. Общее учение о государстве. СПб., 1908. 600 с.

Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI веке. 2-е изд., доп. М.: Норма, 2008. 592 с.

Краснов М.А. Глава государства: рецепция идеи «отцовства» // *Общественные науки.* 2008. № 5. С. 68–79.

Краснов М.А. Статус главы государства как элемент авторитарного потенциала президента // *Государство и право.* 2015. № 2. С. 5–17.

Кутафин О.Е. Глава государства: монография. М.: Проспект, 2015. 560 с.

Лексин И.В. Государственный суверенитет: иллюзия концептуального разнообразия и многообразия концептуальных иллюзий // *Федерализм.* 2017. № 1 (85). С. 79–92.

Лексин И.В. Суверенитет и государство: концептуальные взаимосвязи и расхождения // *Российское право: образование, практика, наука.* 2018. № 3 (105). С. 17–29.

Мишин А.А. Центральные органы власти буржуазных государств. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. 285 с.

Осавельюк Е.А. Конституционно-правовые основы статусных полномочий высших органов государственной власти: монография / отв. ред. Б.С. Эбзеев. М.: Проспект, 2021. 192 с.

Рянов Ф.М. Есть ли глава у правового государства? // Правовое государство: теория и практика. 2013. № 1(31). С. 4–6.

Скорород И.Г. Глава государства — функция Президента Республики Беларусь // *Lex Russica*. 2021. Т. 74, № 7 (176). С. 148–160.

Суворов В.Н. Институт главы государства: юридическая природа и положение в системе власти // *Право и жизнь*. 1998. № 13. С. 50–64.

Успенский Б.А. Государь: история и этимология слова // *Вопросы языкознания*. 2023. № 1. С. 7–18.

Хапсироква Е.А. Судебная власть — хранитель Конституции РФ // *Верность Конституции: Сборник материалов международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения Н.В. Витрука*. М.: РГУП, 2017. С. 119–124.

Чиркин В.Е. Глава государства. Сравнительно-правовое исследование: монография. 2-е изд., испр. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2019. 240 с.

Ширинкина Н.М. Титул главы государства в политико-правовом развитии России (IX — начало XX в.) // *Российский юридический журнал*. 2012. № 5. С. 228–234.

Bodin Angeuin I. *Les Six Livres de la République*. Paris, 1576. 838 p.

Hauriou M. *Principes de droit public*. 2ème éd. Paris, 1916. 828 p.

Locke J. *Two Treatises of Government*. L., 1789. 424 p.

Machiavelli N. *Il Principe* / Edizione di riferimento: a cura di Luigi Firpo. Torino, 1961. 102 p.

Oeuvres complètes de Montesquieu. Tome premier. 1er partie. Paris, 1817. 804 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Лексин Иван Владимирович — доктор юридических наук, заведующий кафедрой правовых основ управления факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; *e-mail*: leksin@spa.msu.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Leksin I. — DSc, Head of Department of Legal Foundations of Public Administration, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation; *e-mail*: leksin@spa.msu.ru